

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

(Продолжение. Начало на 11-й стр.)

Только одна бабушка, бывшая ближе к детям, лучше понимала их, скрашивала их жизнь лаской, сказками. Между прочим, бабушка обыкновенно спала со своим любимцем Сеней.

Сеня, как только было возможно, ускользал из дома во двор, на улицу, в затишье пустырей, окружавших дом. Сделавшись старше, он по целым дням пропадал у соседей или уходил в город к знакомым, родне, которая его очень любила, или бродил по улицам в порту. Его всегда тянуло к взрослым, черта обычная у одаренных детей, с ними у него завязывались отношения равного к равному. Жизнь жильцов маленьких квартир в большей своей части проходила во дворе, и этот натуральный театр страстно притягивал все внимание Сени, который никогда не ограничивался ролью зрителя — он принимал самое деятельное участие в жизни двора: резонировал, спорил, мирил и при всяком удобном случае заводил игру в карты... Знакомился он без разбора, с кем попало. Однажды мать встретила его на улице, принимавшего непосредственное участие в бродячей рулетке, где за пятак можно было выиграть галантерейную мелочь, леденцы.

Мать пришла в ужас, разразилась таким потоком слез и нравоучений, что даже Сеня, на которого вообще не действовали ничьи советы и увещевания, испугался.

Учился он, разумеется, плохо, так как это было скучно; слишком занятый мир окружал его: море, вечное купанье, порт, голубятня, город, рынок. Потом игры, самые разнообразные, охота в пустырях за насекомыми, лягушками, разные приключения в чужих огородах, садах, за что иногда приходилось жестоко расплачиваться...

Соломон Мойсеевич любил, понабив кошелек деньгами, ходить по воскресеньям на Охотничью, потом шел с приятелями в трактир, широко угощал, раздавал деньги. А за соседним столом сидели дети-подростки, прислушивались к болтовне и хвастовству охотников — и тогда "папа" казался им необыкновенным, прекрасным, всемогущим... Бывало, в веселую минуту Соломон Мойсеевич неожиданно решал доставить удовольствие семье — ехали на волнорез, с самоваром, закуской, самоловками на целый день...

Очень хороши страницы в "Очерках детства", изображающие день на волнорезе, купанье с лодки. Отец, могучий пловец, учит своих мальчиков плавать. От этих страниц веет любовью к "папе", как его всегда называл, вспоминая, Семен Соломонович, который, кстати сказать, чрезвычайно походил на отца.

В детстве Сеня был тонок, высок, ширококост. Живой, шумливый, талантливый мальчик привлекал к себе и детей, и взрослых, хотя нрав имел занозистый — посмеяться, поиздеваться был великий мастер уже в детстве. Драчливый, однако, не был, хотя именно в драке получил удар кулаком в сердце. Не был ли этот удар отдаленной причиной его последней болезни?

В детстве он уже проявил свой талант к дружбе, и по некоторым намекам из "Очерков детства" можно судить о том, как горячо он любил брата Павла, первых друзей. С некоторыми из них он всю жизнь водил дружбу.

С виду беспечный, "заразительно веселый", он всегда чем-нибудь мучился, волновался, выдумывая несуществующие страхи. Часто среди ночи просыпался и пробирался к спальне матери, прислушиваясь: жива ли она? То ему представлялось, что должно случиться что-то ужасное, то он видел мучительные сны, задумывался о смерти...

Кое-как Сеня окончил начальную еврейскую училище и поступил во вторую одесскую гимназию. Учился он из рук вон плохо — ленился невероятно, шалил, дерзил. Постоянно вызывали родителей в гимназию, окончились тем, что он был уволен из третьего класса за крайнюю лень... Были

проекты отдать его в науку к какому-нибудь ремесленнику... но отец не соглашался — а спорить с отцом было трудно.

Началось домашнее обучение. И вот в это время впервые проявляются в Сене инстинкты творчества — ему было тогда около пятнадцати лет²⁹. И вот он вместе с одиннадцатилетним младшим братом пишет пьесу... Писали сцену за сценой по очереди... и потом, прочитывая написанное, "страшно наслаждались и гордились", пишет Павел Соломонович. С тех пор он начинает писать; пишет что попало: что-то вроде газетных заметок, статей, рассказов, которые, конечно, нигде не принимались. Брат, Павел Соломонович, вспоминает об одной такой статейке "об одесских цирюльниках"... "Я был в восторге от этой статьи... — пишет Павел Соломонович, — и оба мы были убеждены, что уж это-то будет напечатано"... Брат Павел был всегда поклонником, советчиком и критиком Сени, несмотря на то, что между ними разница в летах была четыре года. Но неудачи не охлаждали пыла Сени, он писал неудержимо, что, конечно, отражалось на учении, которое затягивалось. Неудачи его тогдашних писаний объясняются тем, что до пятнадцатилетнего возраста он почти не читал ничего, кроме сказок... Но, конечно, дошла очередь и до "лихорадочного" чтения... Очевидно, большое впечатление произвел на Сеню "Дон Кихот", и он начинает писать, подражая Сервантесу, поэму о некоем Кара Тараре, который странствует по русским городам и весям, сопровождаемый множеством комических приключений. От приключений Кара Тарара, как пишет Павел Соломонович, ведут прямые нити к комедиям будущего драматурга. Павел Соломонович, тогда гимназист пятого класса, с товарищами издавал "журнал", куда с особым почтением переписывались отрывки из бесконечной "Кара Тарара"...

В конце концов, Сеня выдержал экзамен в пятый класс и с прогимназическим свидетельством поступил в аптекарские ученики — с тем чтобы после двухгодичного стажа держать экзамен на помощника провизора. И теперь, как и в детстве, уже подросток, Сеня "нарядно с заразительным весельем, порывами всякого рода, безрассудствами, ухаживаниями" грустит, задумывается, часто пугает брата своим безнадеем настроением. "Это меня замучивало иногда; я дрожал, боясь, чтобы в приступе тоски он чего-нибудь не сделал с собой", — пишет Павел Соломонович. Сене шел тогда, вероятно, 16-й год; это было время буйного пробуждения молодых сил, предоставленных самим себе, которые его заносили Бог знает куда...

Вот что пишет сам о себе Семен Соломонович в "Клочках прошлого", написанных по случаю 25-летнего юбилея. "В пятнадцать лет я чувствовал себя Титаном, я не признавал ничьего авторитета, весь мир был для меня противником, которого я должен был победить. Я презирал тех, кто признавал над собой чью-либо духовную власть. Я всегда был как в огне, кипел, читал книги, чтобы не соглашаться с книгами... мнение любимого товарища было для меня авторитетнее имени великих учителей человечества..." И далее: "Ассоциации иные, логика, вера сумасшедшая... спорщик я был отчаянный... и дерзкий. И ненавистей у меня было много". Разумеется, как полагается, "Титан" мечтал сделаться разбойником...

Подросток Сеня, кроме "презрения к миру", питает трогательное чувство к брату Павлу, который с особенной нежностью вспоминает это время.

"А как сладки бывали так называемые нами "Египетские ночи". Когда мы ложились спать, либо он забирался ко мне в кровать, либо я к нему, и начинались бесконечные беседы... Причем, конечно, говорил главным образом Сеня о разных разностях: мелочах дня, каком-нибудь новом любовном

приключении или каком-нибудь художественном замысле. Эти "Египетские ночи" — одно из драгоценнейших воспоминаний моей жизни..."

Сеня все пишет, ходит по редакциям, ему неизменно возвращают "рукописи"... но это его не останавливает — очень уж заманчиво писание, да и внутреннее сознание подкашивает его, что его писания — что-то важное, что непременно нужно писать... И в самом деле: в это время вырабатывается им тема его будущей "Улицы", позднее — "Распада" и многих других рассказов. В "Клочках прошлого" Семен Соломонович пишет: "В шестнадцать лет я сделал себе привычку писать днем при зажженной лампе. Я запирался на ключ в детской, закрывал ставни, набрасывал на себя шаль, зажигал лампу и писал страшные рассказы. Это был сумбурнейший период моей жизни. Я мучился всяческими вопросами: религиозными, метафизическими, моральными; в особенности, помню, терзал меня вопрос о существовании Бога. Достоевского я просто обожал. Под влиянием чтения Достоевского я долго носил яд в кармане, чтобы покончить с собой, когда "наступит момент".

Конечно, стаж аптекарского ученика приходится кое-как, с неприятностями всякого рода. Хотя и очень юный, будущий помощник провизора ухаживает за барышнями, заводит знакомства, учится со старшим братом в танцклассе "старика" Цорна, пишет, увлекается "малороссам"³⁰.

В это время Семен Соломонович знакомится с Полиной Финкельштейн, и начинается роман... С виду веселый, беспечный, Семен Соломонович, как всегда, волнуется, мучается, он не может не чувствовать всей ответственности положения, не может не сомневаться в будущем, да и в настоящем.

Ученический стаж оканчивается, он едет в Киев и там сдает экзамен на помощника провизора. К этому времени его роман обрывается в драму.

Уйдя однажды из дому, никого не предупредив, он женился... Ему тогда было семнадцать лет. Отца это известие так поразило, что он зарыдал, как ребенок, и сгоряча проклял сына...

Первое время Семен Соломонович жил у тещи, но это была не жизнь, а ад. Семен Соломонович служил тогда в аптеке, потом перешел в другую, но — при своем беспоконном нраве — нигде не мог ужитья. Жалованье получал ничтожное — 10 рублей в месяц, пытался заняться перепиской... Потом остался без места и переписки с беременной женой на руках. Поманили его на место в Березовку — он уехал туда с больной женой и вернулся ни с чем... Он всюду метался, ездил, но нигде не находил места.

Мать смягчилась первая, стала втайне помогать сыну, встречаться с ним; но отец был непреклонен. Правда, он начал приходить к обеду раньше обыкновенного и уходил так, чтобы дать возможность пообедать у себя молодым...

Жена Соломоновича родила сына Павла и во время родов умерла.

Рождение ребенка окончательно смягчило стариков, и Семен Соломонович вместе с ребенком был принят в отчий дом.

Это было в 1888 году; в этом же году семья Соломоновича переехала в город. Дела пошли плохо, старики устали. Меж тем братья, сестра уже были в старших классах; поступить в университет нельзя было, так как тогда для евреев нужна была при аттестате золотая медаль, а дети много работали дома, помимо гимназии, о медалях не думали, вели себя странно, водили знакомства с таинственными студентами... Родители ничего не понимали, волновались. Хотя отец настаивал на высшем образовании детей, но не было необходимых средств. Дом, полученный Соломоном Мойсеевичем по наследству от отца, был заложен в банке, отягчен частными закладными. Потом векселя, множество векселей...

Эта эпоха жизни Семени Соломоновича вошла некоторыми чертами в его "Распад"; к сожалению, только одна мать списана с натуры. Ее "монологи" характерно рисуют тогдашнюю семью Соломона Мойсеевича. Маленький Сеня с пеленок слышал эти бесконечные монологи и впитывал как губка ее юмор, ее гибкую речь, ее знание людей и жизни. Это они, ее надоедливые речи, все об одном и том же, сделали из Семени Соломоновича великого мастера диалога.

Но не только мать, а и Соломон Мойсеевич был человеком одаренным. Когда дети уехали за границу, он им писал замечательные письма. Одесса того времени переживала свои цветущие годы, и памятником ее богатства остался замечательный театр. Город давал театру царские субсидии, благодаря которым в Одессе долгое время была одна из первых опер в мире, конечно, по старой традиции, итальянская. В семье Соломона Мойсеевича молодежь с ума сходила по Джанини, Прево, Гверчи, Арамбуро...

Семен Соломонович, у которого был хороший тенор, пробует учиться петь. Начинает, бросает, меняет учителей... И только операция в горле окончательно отживает его от артистической карьеры.

Семен Соломонович служит в аптеках, но, по обыкновению, не уживается с хозяевами. Слишком он был свободолюбив, да и не любил своего ремесла. И хозяева имели основание быть недовольными своим "провизором", который при всяком удобном случае заводил с аптекарскими учениками споры на "высокие темы", карточную игру, был дерзок, и его острый язык не щадил ни товарищей, ни хозяина. И, в то же время, Семен Соломонович много пишет, заканчивает похождения "Кара Тарара"³¹, рассказ "Павлов и Бобров", который был впоследствии напечатан в "Мире Божьем" под названием "Записки студента Павлова", но все это тогда было по-детски несовершенное. Пишет и многое другое, но все отвергается ненавистными "бородатыми" редакторами. В это время он познакомился с Бароном Иксом³², тогда знаменитым одесским журналистом, бывал у него на "журфиксах", на которых собиралась вся культурная Одесса, там-то он и получил литературное крещение.

Однако безнадеем путешествие по редакциям продолжалось в течение двух лет, показавшихся бесконечными... Но настойчивость и работа делают свое дело. Рассказ "О том, как Иван Ильич полюбил и разлюбил", наконец, был принят А.В. Кругловым в "Одесский листок".

"Трудно словами рассказать свою радость, — пишет Семен Соломонович в "Клочках из прошлого". — Такие радости не часто бывают в жизни — может быть, раз, другой... Да и не радость это, а что-то большее... Дни до появления рассказа в печати я провел, как в угаре. Вспомню, что напечатано, и что-то крепко и сладко обожжет сердце... Ах, милые, чудные минуты!"

С тех пор Семен Соломонович от времени к времени начал помещать в "Одесском листке" маленькие рассказы.

Но что же делать дальше? Провизорство дает гроши, такие же гроши дает "литература". В конце концов, Семен Соломонович выбирает профессией медицину и едет в Париж.

Так как у него не было полного гимназического аттестата, пришлось подготовиться к "башо", который он благополучно сдает и поступает на медицинский факультет Парижского университета.

Первое время Семен Соломонович получал поддержку от отца, но скоро присылки денег прекратились, и он был предоставлен самому себе. К этому времени в Париж приезжает Михаил Соломонович, тогда студент Венского университета, и тоже поступает в университет. Братья жили вместе. Приходилось трудно.

²⁹ В "Клочках из прошлого" Семен Соломонович говорит, что ему было тогда около 13 лет. Павел Соломонович Юшкевич это опровергает.

³⁰ В это время почти каждую зиму приезжала в Одессу труппа Кропивницкого с Заньковской, Садовским, Саксаганским в расцвете их таланта.

³¹ Семен Соломонович эту "поэму" сжег.
³² С.Т. Герцо-Виноградский.